

Кампания вопреки здравому смыслу

Тяжелое поражение на юге Украины означает поворотный момент для Путина. Даже Индия и Китай отворачиваются от него. Но для руководителя Кремля нет пути назад.

Eric Gujer

Есть победы, которые быстро забываются, а есть победы, которые меняют ход войны. Взятие Херсона и районов к западу от Днепра относится ко второй категории. Таким образом, украинцы окончательно перекрыли русским путь в Одессу. Николаев, центр военно-морского флота и судостроительных заводов, также находится вне опасности. Прежде всего Москва должна отказаться от своей стратегической военной цели: контроля над украинским побережьем и господства в Черном море. Нет ничего более неудачного, чем провал. На саммите G-20 на Бали Кремль оказался в изоляции, потому что даже Индия и Китай отвернулись от него.

Поражение на юге и вытеснение военных сил с больших территорий на востоке - это своего рода переломный момент для Путина. Он, считающий себя спасителем России и соперником Запада, стал выглядеть как военный дилетант. Война в Украине - это его война, и теперь он понимает, что не выиграет ее. Как долго он сможет продолжать свою кампанию вопреки всему здравому смыслу?

Охота Путина на людей

Ответ отрезвляет. Если царь захочет, то убийства будут продолжаться еще долгое время. Если тысяча снарядов не поможет, то две тысячи точно помогут. Россия всегда вела свои войны с уверенностью в своих огромных ресурсах: столько пространства, что враг истощал себя до предела; столько тел, что Красная Армия, несмотря на огромные потери, остановила вермахт перед Москвой и уничтожила его под Сталинградом. Россия - мастер затяжной войны, контролируемого отступления и сопротивления. Более того, выровняв фронт у Херсона, он создал благоприятную основу для продолжения войны второй год подряд. Днепр теперь образует естественный оплот. Войска Путина могут сосредоточиться на Донбассе и поставить перед собой реальную цель - завоевание всей Донецкой области. Поэтому не так уж и неправдоподобно предположение, что Москва с ее резервами

может сохранить преимущество перед противником, который полностью зависит от помощи третьих сторон - от поставок оружия до финансовых переводов.

Запад надеется, что победа может быть за Украиной благодаря ее вооружению, и считает, что у Москвы будут трудности с боеприпасами и солдатами. Охота на людей, представленная как "частичная мобилизация", на самом деле рисует неблагоприятную картину обороноспособности России.

С другой стороны, Путин, вероятно, задумывается о том, как долго продержится коалиция его оппонентов. Он надеется, что на следующих выборах в Америке карты будут перетасованы, и президент-республиканец будет поддерживать Киев с меньшим энтузиазмом, чем Джо Байден. Это будет не первая конфронтация, в которой альянс уступит, потому что союзники меняют свою позицию. Исторически примеры успешных коалиционных войн не слишком многочисленны. Подобные соображения могут выдавать желаемое за действительное, но это, в конечном счете, не имеет значения. Важно то, что подобные фантазии в Кремле могут значительно продлить это кровопролитие.

Снова и снова Запад недооценивает противника, потому что их представления слишком далеки друг от друга. В Пентагоне никто не думал, что талибы не сдадутся, несмотря на свою полную несостоятельность, а, наоборот, превратят свою слабость в силу. Благодаря готовности страдать и силе воли они победили высокотехнологичную армию. Запад много говорит о жизнестойкости, а другие практикуют ее.

Различия между народами проявляются в том, как они ведут войну. США прилагают огромные усилия для ухода за ранеными солдатами. В Ираке или Афганистане пехотинец имел высокие шансы выжить даже при серьезных ранениях, потому что его доставляли самолетом и оказывали наилучшую возможную помощь. В обществах Запада личность имеет высокую ценность. В России дело обстоит иначе.

Русские офицеры планируют свои сражения, полностью пренебрегая своими подчиненными. Слухам о том, что резервистов попросили покупать собственные бинты, вполне можно верить, хотя бы потому, что еще во время предыдущих кампаний даже самые простые лекарства, стерильные шприцы и бинты были в дефиците. Это связано не только с неадекватной

логистикой, но и с безразличием к человеческой жизни. Общество, страдающее от эндемического насилия в мирное время, особенно в государственных институтах, таких как армия и тюрьмы, также ведет свои войны с применением грубой силы. Это не навсегда, но работает на удивление долго.

Социальные сети позволяют сегодня солдатам даже из самых отдаленных уголков Сибири в мгновение ока узнать, как горит их подразделение на фронте. То, что вызвало бы возмущение в Западной Европе, в России воспринимается с подсознательной смиренностью. Все считают, что государство будет вести себя прямолинейно и жестоко, потому что так оно всегда себя вело. Так что слухи о пренебрежительном и жестоком обращении с собственными солдатами не новы.

Некоторые наблюдатели придерживаются сценария второй Октябрьской революции. Первая мировая война уничтожила царскую империю; почему бы и Путина не постигла та же участь? Против этого говорят три аргумента.

Война в Украине не закончится крахом государственного строя и оккупацией российской территории, как это было в 1917 году. НАТО поддерживает Киев только в освобождении украинской земли; оно не предусматривает продвижение на российскую территорию. Поэтому крах правления Путина в результате воздействия внешних факторов маловероятен. Во-вторых, нет ни одной оппозиционной или даже революционной силы, которая могла бы свергнуть старый режим. Путину, поклоннику Советского Союза, не нужно бояться новых большевиков. Многие россияне против "спецоперации". Но их протест замалчивается или выражается неопасным для кремлевской клики способом, например, через эмиграцию.

В-третьих, главным приоритетом Путина еще до войны было сохранение власти. Для него война - лишь одна из многих угроз. В отличие от большевистской и китайской партийных диктатур, правление в постсоветской России носит сугубо личный характер. Россия - это сугубо личное. Без главного человека в верхах все рухнет. Не существует даже линии преемственности. Правитель должен постоянно быть бдительным, чтобы не стать жертвой дворцовых интриг. Борис Ельцин провел свой второй срок в поисках преемника, который мог бы гарантировать ему и его клану

неприкосновенность. Он нашел его в Путине. Сейчас он решает проблему по-своему, массово расширяя репрессивный аппарат.

Сталинский вариант

В мирное время превращение авторитарного режима в диктатуру вызвало бы сопротивление, но на войне его легче навязать. Вторжение в Украину позволяет Путину закрепить свое правление. Это своего рода сопутствующее преимущество. Мнение людей его больше не волнует, что доказало циничное зрелище с частичной мобилизацией.

Поэтому не кажется абсурдным предположение, что Путин стремится к сталинскому варианту - пожизненному единоличному правлению. Для него нет пути назад, не будет даже беззаботной пенсии в Крыму. Все возможно, особенно в стране, которая создала Потемкинские деревни. Было бы преждевременно делать ставку на скорое окончание эры Путина. Однако это означает, что однажды нам придется вести с ним переговоры. Какой бы невыносимой ни казалась мысль о послевоенной России с Путиным, она реалистична.

Джордж Буш поставил Саддама Хусейна на место после вторжения в Кувейт, но не сверг его. Это было мудрее, чем вторая война в Ираке, начатая его сыном. В этом есть двойной урок: Запад должен всячески поддерживать Украину, чтобы дать отпор захватчикам. Без военной мощи невозможно прекращение огня. В то же время он должен быть готов к порядку, основанному на текущем ходе войны. Интересы безопасности Москвы заслуживают признания, но это не должно происходить за счет Киева, как в 2014 году. Без дальновидной дипломатии не может быть прочного мира.